

Симфония света и радости жизни

Седьмая симфония Сергея Прокофьева удостоена Ленинской премии. Это не может не обрадовать всех, кто знает действительное значение и цену творчества Прокофьева, всех, кто любит музыку этого выдающегося художника. А таких людей уже множество и становится все больше и больше.

По замечанию одного старого русского критика, история по-своему мстит тем, кто восстает против рутины классичности, — она нарекает победителя новым классиком. Так, буквально так обстоит дело с Прокофьевым. Почти полвека назад он начал свой бунт против музыкального рутинерства и сразу же возбудил против себя бешеную злобу и ненависть обскурантов, — их было много, а передовых смельчаков-музыкантов — горсть... «Да от такой музыки с ума сойдешь!» Места пустеют. Немилосердно диссонирующим сочетанием медных инструментов молодой артист заключает свой концерт. Скандал в публике форменный. Шикает большинство. Прокофьев вызывающе кланяется и играет на бис. Всюду слышны восклицания: «Ж черту всю музыку этих футуристов! Мы желаем получить удовольствие. Такую музыку нам кошки могут показывать дома». Трудно поверить, что это — выписка из газетного отчета 1913 года о первом исполнении Второго концерта Прокофьева для фортепиано с оркестром, причем солистом был сам автор, уже в ту пору пианист выдающийся.

Сорок лет спустя Прокофьев сошел в могилу самым несомненным и неоспоримым классиком, творцом Седьмой симфонии, оперы «Война и мир», Симфонии-концерта для виолончели с оркестром и длинного ряда других классических произведений музыкального искусства современности, произведений, навсегда вошедших в золотой фонд советской музыки как драгоценнейшие сокровища этого национального фонда нашей страны. Говорят, что, прослушав «Гадкого утенка» Прокофьева, несравненный образец мелодико-драматической декламации на прозаический текст, Максим Горький сказал вдруг: «А ведь это он про себя написал». Какая мудрая догадка!

Сергей Прокофьев на самом деле прошел все драматические перипетии жизни «гадкого утенка», которому суждено было стать прекраснейшим из белоснежных лебедей не прежде, как изведав горечь безмолвных страданий, мучительного одиночества и страстной тоски о близости к людям, к их радостям и горестям, к их борьбе и великим свершениям.

Пять лет назад, в 1952 году, когда впервые прозвучала Седьмая симфония Прокофьева, мне стало совершенно ясно, что это — большая удача автора. Седьмая симфония по-настоящему жизнерадостна, лирична, она восхищает своим светлым и ясным содержанием, необыкновенно свежим гармоническим языком. В ней вновь раскрылось замечательное мелодическое дарование Сергея Прокофьева. Сегодня, подводя итоги пятилетнего, в полном смысле этого слова, триумфального шествия Седьмой симфонии по концертным эстрадам всего мира, я не могу убавить ни одного слова из первоначальной оценки тогда еще нового сочинения Прокофьева. Напротив, нужно многое досказать для того, чтобы дать более полную характеристику этого выдающегося образца новейшего симфонического творчества.

Четыре части этой симфонии: каждая в отдельности — драгоценнейший шедевр тончайшего мастерства, высокодуховной поэзии в музыке.

Вот, словно облитая каким-то мерцающим светом, звучит восхитительная мелодическая тема. Она кажется сначала чуть холодноватой, но это не холод равнодушия, а прохладная свежесть чистого раннего утра, когда бледнеют звезды и пробиваются первые лучи солнца. Лишь постепенно согревается внутренним, сердечным теплом эта музыка, исподволь раскрывает восхитительно прекрасное созвучие, словно нежность благоухающего цветка, из тех, что раскрываются навстречу солнцу. Не верю, чтобы могли быть на свете люди, равнодушные к такой чудесной красоте. Но и объяснить эту красоту я не могу. Не всегда можно объяснить прекрасное в искусстве, как и в природе. Об этом чудесно однажды сказал Чехов в прелестной новелле «Краса-

вицы»: «Иногда бывает, что облака в беспорядке толпятся на горизонте и солнце, прячась за них, красит их и небо во всевозможные цвета: в багряный, оранжевый, золотой, лиловый, грязно-розовый; одно облачко похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка в чалме. Зареву охватило треть неба, блещит в церковном кресте и в стеклах господского дома, отвечает в реке и в лужах, дрожит на деревьях; далеко-далеко на фоне зари летит куда-то ночевать стая диких уток... все глядят на закат и все до одного находят, что он страшно красив, но никто не знает и не скажет, в чем тут красота».

Так бывает и в музыке и вообще в искусстве. Я знаю, что первая часть Седьмой симфонии восхитительно красива, но не могу объяснить это словами. Больше того — иногда страшишься этих объяснений: как бы жесткие технические слова, терминологические конструкции, без которых не обойтись в музыкальном анализе, не спугнули, не развеяли эту нежную красоту.

Но вот заблистала, заискрилась музыка второй части Седьмой симфонии, и нас охватило пленительное чувство свободы, полного отсутствия какой-либо скованности, принужденности. «Здесь танцуют», — мог бы написать Прокофьев в качестве эпиграфа к этой части симфонии. Танцевальная стихия, танцевальное начало господствуют во второй части симфонии. Именно стихия плавного и страстного порывистого вальсирования. Здесь, в этой очаровательной музыке, какое-то до очевидности близкое сродство с вальсами Чайковского, ну да и, конечно, с вальсами самого Прокофьева, например в «Войне и мире». И какая-то пленительная целомудренная чистота разлита в этой музыке; кажется, прозрачная тень Наташи Ростовой скользит и светится в полете и легком движении этих звуков. Здесь, в этой музыке, что-то кружащее голову, как легкое золотистое вино, не мрачный, тягелый хмель, а именно легкое опьянение, опьянение счастьем юности, когда человек опьяняется без вища, собственным радостным ощущением — живу! И завтра! И еще долго!

А ведь сочинял эту музыку, нежную и веселую, как аромат цветов, как песенка ребенка, музыку, исполненную неисчерпаемого здоровья и жизненной силы, сочинял эту музыку шестидесятилетний человек — жизнь великого артиста уже догорала в те дни. Седьмая симфония была ее закатом. Какая же могучая воля руководила сознанием художника! С невольным преклонением я думаю об этом.

Но ведь и в чудесной, медленной лирической музыке третьей части симфонии мы ощущаем то же самое — несокрушимое духовное здоровье! Оно во всем. И в бурколических, свирельных распевах гобоя, и во всем напевном строе этой музыки — все просится здесь в пение и словно ждет поэта, который переложит на слова эту музыку...

Вероятно, можно было бы написать от-

ромное исследование Седьмой симфонии. Это, разумеется, не моя задача. Но все-таки, например, финал, четвертая часть симфонии, — решительно плясовая музыка. Здесь безраздельно царит веселье, безудержно веселый, самозабвенный пляс. Невольно замечаешь — как на фестивале! А почему бы и нет? Вот музыка для фестиваля, его симфоническая заставка. Правда, в конце появляются здесь ноты какого-то раздумья, размышления, но что же из этого? Ведь и фестиваль, как всякий праздник, не может длиться вечно. Но это, конечно, между прочим. Несомненно одно — Седьмая симфония Прокофьева принадлежит к числу самых выдающихся шедевров симфонической музыки нашего времени, к числу тех произведений искусства, которым суждена долгая жизнь и любовь многих поколений.

Как известно, Седьмая симфония Прокофьева — произведение не программное. Но это нисколько не мешает нам понимать и ценить ее содержание, понимать и высоко оценивать ее боевую современность. В свое время Плеханов писал, что, «...как бы там ни было, можно с уверенностью сказать, что всякий сколько-нибудь значительный художественный талант в очень большой степени увеличит свою силу, если проникнется великими освободительными идеями нашего времени. Нужно только, чтобы эти идеи вошли в его плоть и в его кровь, чтобы он выражал их именно, как художник». И Плеханов далее, ссылаясь на Флобера, добавляет: «Кто считает возможным жертвовать формой «для идеи», тот перестает быть художником, если и был им прежде».

Нельзя понять ни сущности, ни путей развития творчества Прокофьева, не учитывая приведенных здесь слов Плеханова. Прокофьев, который никогда не произносил громких речей в защиту современных идей, оплодотворяющих музыку, был насквозь пропитан этими идеями, которые действительно вошли в его плоть и кровь. И Прокофьев никогда не считал возможным жертвовать формой для идеи, потому что он был настоящим великим художником, и потому самая проблема раздельной жизни сущности искусства и его формы для него не возникала вовсе и не могла возникнуть. Идея, сущность в творчестве художника всегда облечена в определенную форму, совершенно неотделимую от нее. Лики наших дней и нашего времени живут в музыкальной ткани Седьмой симфонии Прокофьева, они живут и во многих других его произведениях.

Мне думается, что мы все еще недостаточно интенсивно и недостаточно глубоко изучаем творчество Прокофьева. Между тем Прокофьев во многих отношениях может считаться идеалом советского артиста, идеалом большого художника, умевшего жить одной жизнью со своим народом, откликаться на каждое движение своего народа, мыслить его мыслями, горевать и радоваться вместе с ним.

Жизнь и творчество Прокофьева могут послужить иллюстрацией к словам Филиппа Эммануила Баха, писавшего некогда, что «...музыкант должен волноваться сам, если хочет волновать других, должен уметь входить во все чувства, которые хочет вызвать». Внешне неизменно спокойный и выдержанный, образец сдержанности, немногословности и точности, С. Прокофьев был как раз таким взволнованным музыкантом, какого рисовал великий сын великого отца — Филипп Эммануил Бах. Под покровом джентльменской корректности и сдержанности бушевали могучие страсти, пламенели сильные чувства, и вот они-то создают ослепляющий накал многих творений Сергея Прокофьева.

Закончим на этом.

Сегодня, 23 апреля, исполняется 66 лет со дня рождения Сергея Сергеевича Прокофьева. Как жаль, что он не дождал нового блистательного триумфа, одержанного его творчеством. Как бы радовался Сергей Прокофьев тому, что любимое его детище — Седьмая симфония удостоилась наивысшего признания, о каком только может мечтать создатель художественного произведения. Ну что ж! Порадуемся за него. Порадуемся за советскую музыку, обладающую сокровищами, составляющими по всей справедливости ее гордость, украшение и славу!

Д. ШОСТАКОВИЧ